

«И тебе терпех весь день»

Дискуссии о переводе православного богослужения на современный язык (*украинский, болгарский, русский, сербский – примеч. ред.*)* можно, с нашей точки зрения, считать законченными: все уже поняли, что это невозможно и ненужно. Однако для большинства из нас церковнославянский язык представляет собой проблему. Это с одной стороны. С другой — он представляет собой огромное неисследованное нами богатство. Он дает человеку новые духовные возможности. Как открыть для себя этот язык, как ему научиться? Это имеет прямое отношение к теме нашего номера. На вопросы заместителя редактора журнала Марины Бирюковой отвечает редактор православного издательства Вера Скибицкая.

— Начну с рассказа о небольшом своем открытии. Каждое воскресенье, стоя на службе в храме, я слышала псалом: ...и Тебе терпех весь день (Пс.24:5). Строчка вызывала крайнее недоумение: что значит терпеть Бога «весь день»? Терпеть как некую боль? Или это означает — терпеть что-то ради Него? Наконец я открыла Псалтирь на современном языке и выяснила: «и Тебе терпех весь день» означает «на Тебя надеюсь всякий день». Но как странно, подумала я, что в современном языке этот глагол обрел значение, столь далекое от изначального...

И здесь меня осенило. Ведь терпеть — усилием воли преодолевать страдание — значит именно надеяться. Надеяться на избавление от мучений, на лучшие времена, на чью-то помощь, на какой-то исход, наконец — на какой-то плод. Иначе терпение теряет всякий смысл и становится невозможным. «Потерпи» — означает, по сути, «сохраняй надежду и веру»; исстари в Древней Руси именно это говорили страждущему. Вот так сравнение значений одного и того же слова в церковнославянском и современном языке стало своеобразным духовным уроком. А можно ли привести другие подобные примеры?

— Да, таких слов в церковнославянском языке немало. Они называются омонимами (в случае полного совпадения их написания и звучания с современными) или паронимами (в случае некоторых отличий, например, в орфографии).

Пример, который вы привели, думаю, один из самых ярких по своей поучительности. Если вспоминать слова, которые, подобно слову «терпех», даже корнем не напоминают о своем древнем значении, можно назвать, хотя бы, знаменитое «напрасно» в Троичном тропаре: «Напрасно Судия придет, и коегождо деяния обнажатся...». «Напрасно» в церковнославянском — это «внезапно, неожиданно, резко» (кстати, в некоторых славянских языках слово до сих пор сохраняет близкое значение). В современных молитвословах и других богослужебных книгах его в этом тропаре часто заменяют на «внезапу» или «внезапно», ведь в современном языке слово «напрасно» имеет значение, противоречащее смыслу тропаря.

Однако значение этого слова в древних богослужебных текстах переводит нас в совершенно иную плоскость мышления: приход Господа — желанен для тех, кто Его ожидает, кто отрекся от мира и не страшится смерти, а желает ее, готовится встретить грядущего Христа, Который есть истинная Жизнь. Смерть такого человека, действительно, не будет напрасной: она станет венцом его земного жития. А внезапным, неожиданным приход Господа будет для тех, кто Пришествия Божия не чаает, кто к нему не готов, хотя и знал всегда, что оно совершится. Для них Он придет «напрасно» (в современном смысле), так как основная цель нашего существования на этой земле — стяжание Царствия Божия.

И в этом свете понятным становится выражение «напрасная смерть». В каноне мясопустной субботы есть тропарь с молением об умерших «напрасно от случаев», то есть внезапной смертью от несчастных случаев. Избавить нас «от напрасныя смерти» просим мы Божию Матерь в молитве к Ней. Почему? Потому, что смерть внезапная многих застает неготовыми, и в этом смысле является «напрасной», тщетной, не приводящей к желанному венцу — жизни вечной. «Родимся для смерти, умираем для живота» — у нас есть такая замечательная поговорка.

Еще одно подобное слово, замечательное: «искренний». Суетная глагола кийждо ко искреннему своему (Пс.11:3). «Суетное говорил каждый ближнему своему». По-церковнославянски «искренний» — ближний (в древнерусском языке есть слово «искрь», что значит «близко»). По-русски — открытый, правдивый, простой, доверчивый. И действительно, искренность — чуть ли не главное свойство близкого человека, родного. В современном языке «искренний» — не просто честный, но выражающий подлинные чувства, а потому открытый во всех своих проявлениях. И эта правдивость и открытость составляет близость и родство, что и возводит нас к значению этого слова в церковнославянском языке. Такому сходству значений есть и этимологическое объяснение: предполагается, что слово «искренний» образовалось от основы, родственной слову «корень» и приставки «из». Таким образом, «искренние наши» — вместе с нами из корня, из единого роднящего нас корня, и потому так близки нам.

Мне вспоминается, как один человек, плохо знакомый с церковнославянским языком, истолковал слово «дряхлый» в одном из евангельских чтений. Юноше, спросившему Христа, как ему наследовать жизнь вечную, Господь велит продать все, что тот имеет, раздать нищим, взять крест и последовать за Ним. И далее в Евангелии говорится: Он же (юноша) дряхл быв о словеси: отыде скорбя: бе бо имея стяжания многа (Мф.19:22). Понятно, что юноша не мог быть дряхлым в современном значении этого слова: церковнославянское «дряхл» означает в данном случае «смущен, опечален». Но мой собеседник воспринял слово «дряхл» в современном значении: «Этот юноша не просто смутился, но, видимо, был настолько потрясен, что ослабел физически, у него подкосились ноги, как у

глубокого старика, потому что он понял: ради вечной жизни он должен презреть все, что составляло его жизнь прежде».

Можно привести и забавные, но тоже в своем роде поучительные примеры. Взять хотя бы слово «позор», которое в церковнославянском языке обозначает зрелище. Думаю, Вы согласитесь со мною: практически все, что мы сейчас можем созерцать как зрелище, является настоящим позором для тех, кто в этом участвует и кто на это смотрит.

А некоторые слова, имеющие в богослужебном языке явно отрицательное значение, связанное с обманом, колдовством или безумием, в современном языке изменили его на прямо противоположное. Например: прелесть, очарование, изумительный (церковнославянское «изумеватися» — лишаться ума).

— Что дает человеку знание церковнославянского языка? Только буквальное понимание богослужебных текстов? Или нечто большее? Прочитать Новый Завет на современном или на церковнославянском — есть ли разница?

— Я бы не называла это буквальным пониманием. Мы постигаем смысл богослужения соразмерно нашему духовному опыту, нашему стремлению к Богу, и также соразмерно нашим знаниям, в том числе и знанию богослужебного языка. Познание это бесконечно. Даже люди, которые, в силу своей профессии, в подробностях изучили историю языка и тонкости церковнославянской грамматики, каждый день совершают очередные открытия, подобные тому, о котором Вы рассказали. Потому что богослужение — это вселенная, как и человеческая душа, для которой оно устроено святыми отцами.

Церковнославянский язык — язык, на котором молились Богу поколения наших предков, язык, на котором молились наши святые. Мне кажется, сознание этого необычайно важно для внутреннего самостояния современного человека.

Что касается чтения Нового Завета в современном переводе — я думаю, если человек впервые обращается к Евангелию или Апостольским посланиям, он, конечно, может прочесть эти книги на современном (украинском, болгарском, русском, сербском) языке. Но когда он уже входит в молитвенный распорядок Церкви, когда он начинает в составе своего домашнего правила читать главы или зачала из Евангелия и Апостола — тогда, конечно, лучше прочитывать их по-церковнославянски, то есть так, как они звучат в храме сегодня и звучали столетия до нас ...

И все же следует помнить: церковнославянский язык, который стал прямым отражением греческого оригинала, гораздо ближе к нему по своему строю и грамматическому составу, чем любой современный язык, он выразительнее и глубже передает ощущение простого и одновременно непостижимого. Когда-то профессор университета А. Козаржевский назвал

церковнославянский конгениальным греческому по своей точности (и сюжетной, и богословской) и по красоте.

В сравнении с современной церковнославянской фразой более лаконична: язык напряженный, каждое слово просто и весомо. В попытке передать тонкие различия в значениях глагольных форм церковнославянского языка современный язык часто прибегает к многословию и описаниям, поэтому он несколько более спокойный и «расслабленный», как сказал один из историков нашего богослужебного языка.

Замечу также, что существующий русский синодальный текст зачастую оставляет без перевода слова, которые явно перевода требуют. Например, во фразе апостола Павла: Желание имый разрешитися и со Христом быти... (Флп.1:23) — глагол «разрешитися» перенесен в русский текст без перевода: «Имею желание разрешиться». Между тем значение этого глагола — «освободиться», именно освободиться от уз этого мира. В русском же языке он имеет ряд значений, которые могут усложнить понимание этого фрагмента.

Что дает нам знание церковнославянского языка вне храма? Язык церковнославянский — это источник нашего литературного языка, и без точного понимания ассоциаций, которые открываются нам в творениях великих мастеров слова, мы не сможем полноценно воспринимать их произведения. Самим своим существованием церковнославянский язык напоминает о том, что есть культура благородная, культура, предполагающая определенный уровень нравственного развития. Он помогает нам постичь суть достойного человеческого бытия.

Думаю, современный язык, который сейчас азартно смешивают с отбросами из других языков и с нечистотами тюремного сленга, очень нуждается в людях, которые бы оберегали его памятованием высокого слога нашего богослужения. Обращение и внимание к церковнославянскому языку могло бы привить нам вкус к хорошему, правильному и осмысленному современному языку.

И все-таки самое главное, что мы обретаем, освоив церковнославянский язык,— это возможность воспринять и понять текст, обращенный Богом к человеку и человеком к Богу; войти в простор спасительной мудрости, которая открывается нам в молитве, помогает реально и осмысленно прожить эту жизнь. Важнее этого ничего нет. Богослужебный язык нам дан именно для постижения слова Божия ради жизни в Боге. Среди мирского словесного шума мы слышим Его голос — благодаря тому, что стихи и фразы из Священного Писания и молитв живут в нашей памяти. А еще мы можем, как сегодня, поверять современные слова их древними значениями и сделать выводы, посмотрев на землю с неба.

— Несколько слов об истории церковнославянского языка — как он образовался? Верно ли, что он никогда не был обиходным языком, но только языком богослужения?

— Действительно, церковнославянский язык — это книжный язык, созданный в процессе перевода греческого богослужебного текста на славянские корни, скажем так. В IX веке, когда в Великой Моравии (на территории современных Чехии, Словакии и Венгрии) святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий начинали свой труд по созданию письменности, славянский язык был еще единым. Его диалекты, из которых позже развились современные славянские языки, различались незначительно, подобно современным говорам. С течением времени созданный святыми равноапостольными братьями на основе южнославянского диалекта богослужебный язык приобретал местные черты, в Киевской Руси — восточнославянские. Так возник древнерусский извод (редакция) церковнославянского языка. На протяжении столетий наш церковнославянский язык развивался. Составлялись новые службы нашим святым. С введением книгопечатания стала очевидной необходимость упорядочить богослужебные книги, привести тексты к единой грамматической норме и в соответствие с их греческими оригиналами, для чего проводились книжные справы, как это было, например, в XVII веке. Таким образом и сформировался церковнославянский язык, который звучит сегодня на богослужении, в наших молитвах.

Когда братья Кирилл и Мефодий начинали свой труд, язык Греческой Церкви, язык всей византийской культуры и христианской мысли уже имел тысячелетнюю историю. Святым братьям предстояло перенести все богатство, глубину и сложность Священного Писания и богослужения на славянскую почву. Но в славянском наречии еще просто не было слов для обозначения тех понятий, которые были выработаны веками греческой мысли и еврейской книжности. Поэтому, как точно подмечено историками языка, стержневая лексика первых переводов — это славянские слова на пределе своих возможностей. Язык устремился за отвлеченной мыслью, и слова, расширяясь и вырастая в своем значении, преодолели свою вещественность.

При переводе на славянский язык святые первоучители и поздние переводчики точно воспроизводили греческий оригинал. Они сохраняли порядок слов подлинника, воссоздавали грамматические формы, словосочетания, фразеологизмы и даже частицы и артикли (наши «иже», «яже», «еже»). Так был создан текст перевода, грамматические нормы которого стали нормами книжного языка для всех славян. По сути, это греческий язык в славянской плоти.

В основе лексики нашего богослужебного языка лежат общеславянские корни и слова: «земля», «вода», «роса», «поле», «небо», «человек», «сын», «отец», «мати», «людие», «народ», «тайна», «смирение», «жити», «плакати», «радоватися», «любити» и многие-многие другие. Их большинство. Исконные слова легко восприняли новые христианские значения. Так, мы можем представить себе трансформацию значений слов: «тело», «агнец»,

«жатва», «вера», «знамение», «праздник» (русское «порожний» — пустой, а значит, свободный от дел), Господь (в отличие от «господин»).

Еще до святых Кирилла и Мефодия среди славян было немало христиан, и многие христианские понятия были им знакомы, как и иностранные слова, их обозначающие: «крест», «церковь» и другие. Из греческих слов большинство передавались славянскими, в зависимости от контекста, некоторые иноязычные слова вводились в текст без перевода: «кустодия» (лат.) — стража, «епендит» (греч.) — плащ и так далее. Некоторые из таких грецизмов, латинизмов и гебраизмов уже прочно утвердились в русском языке: «ангел», «лампада», «ад», «аминь», «икона», «Голгофа»; сюда же относятся имена собственные: Мария, Иоанн, Феодор, Павел и многие-многие другие. Чаще всего не переводились слова, связанные с богослужением, аналогов для которых в славянском языке не было: «патриарх», «архимандрит», «догмат» и другие.

Знаменитые сложные церковнославянские слова, которые ныне украшают и украинский литературный язык — это так называемые кальки с греческих слов. «Благовоління», «благовіщення», «добролюбство», «Світлодавець»... И однокорневые: «сповідання», «причастя», «невечірній»... Эти новые для славянского языка слова переводчик творил по образу греческих: в греческом слове переводили каждую часть, и выстраивалось слово, славянское по звучанию, но греческое по смыслу, по духу. Например, церковнославянское «преображение» — калька с греческого метаморфе, где «мета» — пере (южнославянское пре-), а «морфе» — вид, образ.

Сегодня мы восхищаемся торжественностью, возвышенностью и красотой церковнославянского языка. Но, вероятно, в процессе создания первых переводов эстетические соображения были далеко не главными: переводчики благоговейно передавали оригинал слово в слово, отражая, по возможности, все нюансы подлинника — и язык, точно восприняв смысловое наполнение греческого текста, воспринял и его дух, и его выразительность, и красоту.

Часто церковнославянский язык упрекают в «рабском» следовании греческому оригиналу — слово за словом, морфема за морфемой. Думается, что такое рабство — смиренное стремление стать точным отражением священной идеи, без привнесения личных мудрований и «творчества» — признак величайшего сыновнего благоговения и силы, веры и величия.

Церковнославянский язык был создан специально и только для того, чтобы на нем совершалась служба Божия, чтобы быть «словесной плотью богомыслия». На нем не говорили в быту, не писали грамоты, не сочиняли светских произведений. На нем только молились. Язык, который действительно выразил Божественную истину, стал называться языком священным и оберегался как святыня, как предание, генеалогически уходящее в апостольскую древность. Можно сказать, что он изначально нес вероучительное значение и сохранялся в чистоте, как сама вера.

Церковнославянский язык словно обладает самоочищающей системой. Он практически не принимает в себя новой лексики, случайных и обыденных выражений, а тем более — новых форм. В нем нет случайных слов. Любые привнесения подобного рода в новых службах сразу бросаются в глаза. Однако сам он дал начало литературным языкам и щедро открыл свою сокровищницу светским литераторам.

На вопросы заместителя редактора журнала "Православие и современность" Марины Бирюковой отвечает редактор православного издательства Вера Скибицкая.

— **Непонимание или плохое понимание церковнославянского языка — это на самом деле серьезная проблема. И эта проблема начинается с молитвослова: «Странна муки всякия покажи мя...» — о чем просит молящийся Богородицу? Показать ему муки ада для устрашения? Или устранить его от всякого мучения? А это что означает — «у Него же несть пременение, или преложения осенение»? И уж совсем сложно бывает, когда человек приходит в храм. Помню, как я мучилась, не в силах будучи понять общеизвестного, казалось бы «...елицы верни». Я знала смысл момента: начинается литургия верных, только они должны остаться — но слово «елицы» не было мне понятно, и все чудились какие-то «лица». Подойти к священнику, к дьякону — и спросить? Неудобно, да и потом — сколько еще будет непонятного, не спрашивать же каждый раз. Найти книжку, в которой все это разъясняется и переводится? Подхожу к церковной лавке — ничего подобного нет. Как быть человеку, который хотел бы понимать все, звучащее в храме? К чему прибегать?**

— Здесь есть один маленький секрет: когда вы стараетесь понять значение церковнославянского слова по корню, постарайтесь предположить, каким могло бы быть его значение в случае самого простого, прямого, а не переносного его употребления. Чаще всего это дает правильное прочтение. Так, южнославянское «странный» напоминает нам о «сторонний», «сторона». «Покажи» — яви (однокоренное «кажется» — является). Отсюда и значение, дословно: «Яви меня в стороне от любого мучения, устрани меня от него». Второй пример, который Вы привели, с моей точки зрения, один из самых сложных в наших утренних молитвах. Дело в том, что и в греческом оригинале это место неясное и может быть истолковано по-разному, а церковнославянский текст дословно передал подлинник. Церковнославянское слово «пременение» — не что иное как перемена в качестве «Преложение» — перенесение, перемена места или значения. Слово «осенение» происходит от славянского «сень», что значит «тень». На основании греческого источника это место объясняют так: в молитве Господь именуется Светом — вечным и безначальным. В отличие от обычного солнца, Он светит неизменно сильно («у Негоже несть пременения») и никогда не оставляет ничего затененным, как это бывает с солнцем, когда оно меняет свое местоположение («преложения осенение»). Итак: «Свет,

неизменный в силе и не оставляющий тени на своем пути». Сложное место, действительно.

К каким источникам прибегать для уяснения смысла? Книг с объяснениями и подстрочным переводом трудных мест в богослужении сегодня издается немало. Неоднократно переиздавался сборник «Молитвы и песнопения православного молитвослова ...» В нем все молитвы келейного правила и основные молитвословия церковного богослужения напечатаны с параллельным переводом на современный язык, объяснениями и примечаниями. Серия учебных молитвословов вышла у нас в издательстве, среди них два особенно удачных издания: «Молитвы утренние и на сон грядущим» и «Правило ко Святому Причащению», в которых не только подробно объясняются молитвы и каноны, но и приводятся сведения о разных жанровых формах церковной гимнографии, краткая церковнославянская азбука, словарь. Составитель этих изданий — Е. Тростникова. Другая ее книга, «Как научиться понимать молитвы», в которую вошел и материал двух вышеупомянутых изданий, с моей точки зрения, одна из лучших на сегодня среди изданий подобного рода. Неоднократно издавалась и Псалтирь с параллельным переводом. Да, не во всех магазинах и не всегда можно найти эти книги, но, вероятно, можно заказать их по почте или через Интернет.

— **Следует ли нам изучать церковнославянский «отдельно», по каким-то учебникам, как учим мы английский, к примеру, или достаточно разобраться в текстах молитв и псалмов — минимально необходимое знание будет таким образом приобретено? Может быть, достаточно усвоить основные отличия церковнославянского от современного языка (в падежах, спряжениях, предлогах), чтобы в дальнейшем все понимать?**

— Все люди разные: кому-то легче шаг за шагом усваивать материал учебника. Но все-таки церковнославянский язык — это не английский, т.е. не чужой нам, не далекий от нашего язык. Да, он иной, но он и родной нам. С церковнославянским словом сопряжено все самое дорогое для многих поколений наших предков. И нам лучше было бы поступить по их примеру. Раньше обучение грамоте детей и чтецов в храме начинали с Часослова и Псалтири. Это очень разумно. Ведь Часослов содержит неизменяемые молитвословия последований дневного круга: часов, вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, изобразительных, да еще и тропари, кондаки, богородичны, прокимны для богослужений всей седмицы. Эти молитвы ежедневно звучат в храме. А Псалтирь — первоисточник большей части молитвословий всех церковных последований, утренних и вечерних молитв, ее образы пронизывают все наше богослужение. Чтобы лучше понять смысл молитвословий Часослова, можно пользоваться как теми книгами, которые я уже назвала, так и изданиями, в которых объясняются отдельные церковные последования, например, книгой «Всенощное бдение и Литургия.

Разъяснение церковного богослужения» (рекомендую 3-е издание 2006 года, переработанное и дополненное).

Освоив Часослов, мы будем сознательно участвовать в храмовом богослужении, будем чувствовать его «архитектуру», ход службы станет нам понятен, а изменяемые чтения и песнопения — ожидаемы. Стихи из Псалтири будут награждать наш труд радостью узнавания, а значит, и понимания тех молитвословий, в которых звучат уже знакомые нам фразы и обороты. Со временем песнопения и молитвы, которые мы часто слышим на службе, станут такими же привычными для нашего слуха, как и обороты обычной речи.

Я глубоко убеждена в том, что человеку, желающему ради осмысленной молитвы освоить язык богослужения, следует сначала усваивать не грамматическую систему — парадигмы склонений и спряжений — а сам текст. Старайтесь заучить наизусть те тропари или стихиры, которые вам наиболее близки. Например, тропарь святому, в честь которого вы крещены, тропари и кондаки праздникам и так далее. Пускай сейчас вы точно не можете объяснить значение какой-то фразы, но через неделю вы прочтете или услышите молитву, в которой будет тот же оборот или слово с таким же окончанием — и ранее неудобовразумительное прояснится для вас.

Конечно, необходимо иметь словарь церковнославянского языка. Если все-таки не удастся приобрести его, то нас, как всегда, выручит гениальный Даль. Его «Толковый словарь живого русского языка» включает в себя и множество церковнославянских слов.

Полезно помнить о том, что одной из главных причин, по которым текст может быть нам непонятен (не принимая сейчас во внимание, как правило, главную — недостаточную богословскую подготовленность читающего), является порядок слов. Не будем забывать, что церковнославянский язык передает порядок слов греческого оригинала, которому свойственны поэтические инверсии, образы и уподобления. Поэтому главное в таких случаях — начать с определения подлежащего и сказуемого. Кроме того, в церковных текстах часто встречаются синтаксические конструкции, характерные для древнегреческого и других древних языков. Самая знаменитая из них — оборот дательный самостоятельный — сочетание имени существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия. Этот оборот обычно примыкает к основной части предложения. Например: Сшедшу же Ему с горы, вслед Его идяху народи мнози (Мф.8:1). Дательный самостоятельный обычно переводится как придаточное предложение времени: Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа.

Глагольная система церковнославянского языка сложная, и определение форм глагола также составляет определенный труд для читателя. Однако святые первоучители были милостивы к нам: в церковнославянском языке времен и наклонений глагола на порядок меньше, чем в греческом.

Немаловажны для осмысленного прочтения богослужебного текста и те звуковые чередования, которые влияют на орфографию окончаний местоимений, существительных и прилагательных. Помня о закономерностях чередования согласных при склонении имен, вы бы с легкостью нашли местоимение «елик» (который) в словаре, соотнеся форму «елицы» с парами «отрок» — «отроцы», «человек» — «человецы» и другими.

Большинство слов в языке нашего богослужения — родные нам и знакомые, почти все корни общие у церковнославянского с русским. Непонятных слов, архаичных славянских (абие, вресноту, нырище) или иноязычных, оставленных без перевода (как скимен, еродий), не так уж много. Об их значении можно справиться в словаре. Сложнее со словами-двойниками, о которых мы с вами уже говорили: «требую», «невкусный», «опасный»... Именно эти слова часто и представляют основное препятствие к пониманию текста. Главное — быть бдительными и вовремя понять, что их значение может отличаться от современного языка. Теперь и они собраны в отдельный словарь, который, как мне известно, уже выдержал два издания: «Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы». Его автор и составитель — О. Седакова. Очень советую его приобрести, он интересен даже как самостоятельное чтение.

Если вам удобнее, привычнее именно «учить» церковнославянский — урок за уроком усваивать темы и выполнять упражнения, закрепляющие ваши знания,— то недостатка в учебниках сейчас нет. Прежде чем назвать некоторые из них, скажу о «Грамматике церковнославянского языка», составленной иеромонахом Алипием (Гамановичем). По полноте и точности это, пожалуй, лучшее доступное издание, систематизирующее сведения о церковнославянском языке, сформировавшемся к середине XVII века.

Сейчас во многих книжных магазинах и церковных лавках можно приобрести учебник А. Плетневой и А. Кравецкого. В нем вы найдете не только грамматику и упражнения, но и сведения о поэтических особенностях литургической письменности, очерк истории церковнославянского языка, а также хрестоматию, в которую входят фрагменты из Священного Писания и богослужебных текстов с комментариями. Другой доступный сейчас учебник, автор которого Т. Миронова, думаю, лучше подходит для тех, кто осваивает церковнославянский язык самостоятельно. Он содержит грамматику, упражнения и контрольные работы по каждой теме, а также словарь к учебным текстам.

Моей любимой книгой остается «Церковнославянская грамота» коллектива авторов, увидевшая свет в 1998 году. Она относится к числу тех, которые с интересом, радостью и неизменно добрым чувством будет читать и стар и млад. Здесь язык церковнославянский, литературная книжность, выросшая на его основании, и народная речь представлены в их единстве, а грамматика церковнославянского языка объясняется очень доступно, увлекательно и одновременно весьма подробно и профессионально. Для

начинающих и детей очень хороша книга Н. Саблиной «Буквица славянская», повествующая об истории азбуки. Может быть, эти книги еще можно найти в библиотеках.

— Большинство современных молитвословов, предназначенных для домашней молитвы,— это церковнославянский текст, воспроизведенный с помощью современной орфографии. Важно ли уметь читать собственно церковнославянский текст?

— Да, очень важно читать богослужебные тексты именно в церковнославянской графике. Причем, если вы еще никогда не молились по молитвослову, начинайте именно с издания церковной печати. Почему? Вопреки распространенному мнению, современная графическая система не облегчает понимание церковнославянского текста, а наоборот, затрудняет. В современном алфавите отсутствуют 11 букв, надстрочные знаки и титла, которые на протяжении тысячи лет использовались в церковнославянском языке. Все остальные буквы нашим современникам знакомы с детства — они уцелели в современном языке после разных реформ. Знание значения этих букв, а также надстрочных знаков расставляет для читающего всё на свои места: при чтении он сразу отличит множественное число от единственного, родительный падеж от винительного и другие одинаково звучащие (и одинаково пишущиеся в современной орфографии) формы слов друг от друга, потому что на письме именно эти буквы и знаки указывают на соответствующие грамматические категории. Например, нам будет легче понять слова великого славословия: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим», когда мы увидим в окончании слова «оправданием» так называемое «е якорное», а над местоимением «Твоим» — ударение-камору. Это признаки дательного падежа и множественного числа. «Господи, научи меня» — чему? — «оправданиям (установлениям, заповедям) Твоим». Буква «ять» позволяет нам различать значение разных корней. Так, например, сложное слово «благосеннолиственный» станет нам понятным, когда мы увидим в корне «-сен-» не «е», а «ять», как в слове «сень» — тень: «благосеннолиственный» — дающий хорошую, густую тень (чаще всего так говорится о дереве), и к сену это слово не имеет никакого отношения. Таких примеров можно привести немало.

Знаменитые церковнославянские титла — знаки сокращения, «возносящиеся» (как пишут древние грамматиканы) чаще всего над словами, обозначающими преимущественно доктринальные понятия, — явление, присущее лишь нашему церковному языку. Титла также облегчают чтение. Во-первых, мы сразу видим, что слово обозначает важное или священное понятие; во-вторых, титло придает нашей мысли особую бодрость — оно позволяет сразу охватить всё слово единым взглядом, не разбирая его по слогам. Лишенные этих смысловых особенностей в современном написании, церковнославянские слова обезличиваются для читающего, перед ним одна звуковая оболочка.

Для меня важно и другое. Представьте: такое же начертание букв, подобный образ слов были привычными для почитаемых нами святых (*прпп. Антония и Феодосия Киево-Печерских, Сергия Радонежского, Паисия Величковского и Серафима Саровского ... - ред*).

Если быть честными перед самими собой, следует признать, что мы утратили почти все, что в течение веков взращивалось и приумножалось нашими великими предками. Когда для сиюминутных обыденных целей нам требуется знание иностранного языка, мы тратим на его изучение годы: посещаем курсы, пишем карточки, без усталости зубрим слова и темы. Давайте сделаем хотя бы небольшое усилие, свидетельствующее о том, что вера не иссякла в нас: постараемся воспринять и уберечь в полноте то неизмеримо важное,— что у нас еще осталось, — священный язык, переданный нам верою минувших поколений православного народа.

«Православие и современность»
(Публикуется в сокращении)

Примечание: * В Греции богослужебным языком является древнегреческий, в Грузии – древнегрузинский. В славянских странах (Украине, Болгарии, России, Сербии) – церковнославянский.